

Е.Л. Григорян, кандидат филологических наук
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E.L. Grigorian, Candidate of Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FOREIGN ELEMENTS IN PRESENT-DAY RUSSIAN SPEECH: LINGUOCULTURALOGICAL ASPECT

Рассматриваются прагматические функции иноязычных слов и выражений в русской речи. В русском контексте иноязычное слово может выступать как национальная и культурная реалия. Наиболее интересным представляется осознание носителями русского языка неравнозначности лексических единиц (и, соответственно, понятийных систем) различных языков и даже приписывание иноязычным словам особых смыслов, отсутствующих в языке-источнике.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления; прагматика; коннотации; лингвокультурология; культурные реалии.

The subject of investigation are the pragmatic functions of foreign words and phrases in present-day Russian speech. In Russian context foreign words may serve as markers of national or cultural realia. Another significant point is the speakers' awareness of disparity between lexical units (and, accordingly, conceptual systems) of languages and even ascribing special meanings and connotations to foreign words.

Key words: foreign words; pragmatics connotations; linguoculturology; cultural realia.

Предметом исследования являются иноязычные вкрапления в современной русской устной речи, в основном на телевидении (передачи канала «Культура» и спортивные репортажи на разных каналах) и на радио. Все примеры принадлежат речи коренных носителей русского языка, в полной мере владеющих его литературной нормой. В фокусе внимания находятся прежде всего такие случаи, когда употребление иноязычного слова или выражения выполняет те или иные прагматические функции (а не вызвано чисто внешними обстоятельствами коммуникации).

Примеры использования иноязычных слов, фраз и высказываний неоднородны и могут использоваться с разными целями; во многих случаях они служат приемом соотнесения культур и лингвокультур. Примечательно, что нередко в этом качестве выступает лексика, которая не может считаться безэквивалентной в привычном смысле этого слова, однако, включенная в русский контекст, она приобретает коннотации, изначально ей не свойственные: *В Рихтере все же было много немецкого, для него был важен *Ordnung*; Для меня музыка Верди – это прежде всего – *passione, patos, affetto*...* В этих примерах иноязычное слово не

может быть приравнено к русскому эквиваленту: *Ordnung* предстает не просто в значении ‘порядок’, а ‘порядок в немецком понимании’; обозначаемое итальянскими словами получает значение ‘специфически итальянское’ или ‘вердиевское’.

Иноязычное слово или выражение часто становится маркером определенной страны или исторической эпохи, культурной или исторической реалией: *Война, которая сопровождалась тем, что называется chevauchées – опустошительными набегами* (о Столетней войне и Жакерии; дальше коротко рассказывается об этих набегах). В некоторых таких контекстах само слово выступает как некая культурная реалия, как принадлежность определенной страны и культуры, т. е. «как они это называют». Часто такие выражения сопровождаются словами вроде «как говорят французы (немцы, англичане и т. д.)». Для меня Нью-Йорк – это, как говорят американцы, *positive craziness, сумасшествие в хорошем смысле*.

Заслуживает отдельного рассмотрения прием двуязычного дублирования: примеры, где иноязычное выражение дублируется по-русски или же русское слово поясняется с помощью иностранного. Известно, что не для всякого смысла в конкретном языке есть готовая форма; во многих случаях говорящий усматривает разное содержание за единицами и выражениями из разных языков, что и становится основным мотивом их совместного использования или предпочтения одного другому: *Потому что у них есть understatement, у нас – overstatement, у них – недоговоренность...; И это ожидание ответа, это такое stand by...; Когда нужно что-то стоящее выше земли – celeste ...* [произносит по-итальянски]. Приводимые в том же высказывании русские соответствия фактически являются не переводами, а комментариями, т.к. закрепленного русского эквивалента нет или же говорящий его не находит. Иногда прямо указывается на отсутствие походящего перевода: *Римские доблести, которые называют непереводимым словом virtus; Есть такое английское слово, почти непереводимое – self-efficacy ...* (далее следует комментарий с примерами). В поисках подходящего слова могут на равных перебираться номинации из разных языков: *У вас есть стремление... желание – я бы сказал, obsession, идея-фикс – сыграть всего Малера.*

Таким образом, единицы различных языков в одних случаях образуют единый план содержания, а в других случаях – инородность лексических единиц осознается и является pragmatically значимой. В рассмотренном материале наиболее интересным представляется осознание неравнозначности лексических единиц (и, собственно, понятийных систем) различных языков и даже приписывание иноязычным словам особых смыслов, отсутствующих в языке-источнике (среди которых количественно преобладают английский французский, немецкий и итальянский). Современные носители русского языка черпают необходимые понятия из других языков и культур и таким образом достраивают свою картину мира, свободно используя ресурсы других языков.